

К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Радикальные реформы не могут быть самостоятельной целью экономического развития. Реализованные начиная с 1990–1991 гг. различные управленческие и хозяйственные практики в различной степени были ориентированы на преодоление «эффекта колеи». Однако выйти из эффекта зависимости от предшествующего пути не удалось не одной стране постсоветского пространства. Концепция/теория Д. Норта предполагающая вариативность процессов реформирования, оказалась идеальной для объяснения ключевых проблем институционального развития постсоветского пространства.

Ключевые слова: «Колея зависимости», компаративистика, постсоветское пространство, «эффект колеи», Беларусь, Украина, Эстония, Латвия, Литва, институциональное развитие, последовательность реформ

Для цитирования: Межевич Н. М. К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 95–101.

On the Issue of Verification of the Concept of “Path Dependence” for the Former Soviet Union in the Light of Thirty Years of Intuitive Practices

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

Radical reforms cannot be an independent goal of economic development. Since 1990–1991, various management and economic practices have been oriented to various degrees to overcome the “path dependence”. However, it was not possible to get out of the effect of dependence on the previous path more than one country of the Former Soviet Union. D. North’s theory of variable reform processes proved to be ideal for explaining key problems of institutional development of the Former Soviet Union.

Keywords: “Path dependence”, comparativistics, Former Soviet Union, Belarus, Ukraine, Estonia, Latvia, Lithuania, institutional development, reform sequence

For citing: Mezhevich N. M. On the Issue of Verification of the Concept of “Path Dependence” for the Former Soviet Union in the Light of Thirty Years of Intuitive Practices // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 95–101.

Диагностика ключевых тенденций общественного развития всегда представляет собой сложную задачу. Иэн Шапиро в своей программной работе «Бегство от реальности в гуманитарных науках» фиксирует «удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться» [10, с. 11]. Это было написано к кризису 2008–2009 гг., но справедливо для любого кризиса вообще. Кризис — это практически всегда ситуация осмысления пройденного пути, а не только прогнозирования будущего.

К числу концепций общественного развития, базирующихся на долгом человеческом опыте, но сравнительно недавно получивших академическое обоснование, относится концепция «эффекта колеи» или «зависимости от пути» («Path Dependence»). Лауреат Нобелевской премии экономист Д. Норт выдвинул концепцию «Path Dependency» (зависимость от ранее выбранного пути). Под этим термином он имеет в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [17, р. 92]. «Теория колеи» регулярно подвергается критике за схематизм и попытку введения общей модели для объяснения институциональных изменений, как в экономической, так и политической сфере. Однако достоинства концепции как раз и вытекают из указанного выше недостатка [2]. Перед нами инструмент, пригодный для анализа институтов без жесткого разделения последних на экономические и политические. Концепция стала универсальным инструментом анализа, широко применяется географами¹, используется для вполне практических задач, к примеру, для объяснения того, почему история усложняет, но не делает невозможным реформирование систем здравоохранения [20].

Теория или, точнее, теории «зависимости от пути» («Path Dependence») объясняют практики сохранения тех или иных институтов, сформированных в предшествующих хозяйственных условиях после радикального изменения этих общих хозяйственных и политических условий [12]. «Зависимость от пути» или «эффект колеи» происходит потому, что в ряде случаев дешевле сохранять традиционные институты, чем создавать совершенно новые. «Зависимость пути» для экономиста объясняет, каким образом набор решений текущего момента ограничен решениями, которые были приняты ранее. «Интересно отметить, что “зависимость от предшествующего развития”, несмотря на очевидную концептуальную сопряженность с “рациональным выбором”, нечасто анализируется в общем с ним контексте; в этом плане очевидна гораздо большая активность западных мыслителей по сравнению с отечественными» [4, с. 10]. Иными словами, сохранение прежних институтов не всегда может быть рациональным выбором, точнее, рациональность выбора с позиций политиков не обязательно согласуется экономистами, верно и обратное. О рациональном выборе пишет и профессор А. Аузан: «Технологи пришли к радостному для нас заключению, что правильной, более безопасной является ширина железнодорожного полотна в России. Следует ли из этого, что весь мир перестроит свои железные дороги по российскому образцу? Нет. Скорее уж Россия будет строить дороги с узким, неправильным полотном, чтобы не тратить время и деньги на замену вагонных колес в Бресте»².

К середине 1990-х выяснилось, что траектории посткоммунистических стран сильно не совпадают. Причем речь идет не о сравнении Чехии и Туркмении, а о близких изначально парах Литва — Беларусь, Беларусь — Украина. Ожидаемого линейного движения к какой-либо единой модели капитализма не наблюдается, а реальность в каждом случае сильно отличается от того, что было замыслено [19]. Междисциплинарный характер «эффекта колеи» неоднократно подчеркивался исследователями. «Концепция ... является очень общей по своему охвату и в равной степени относится к последовательностям развития и социальной динамике (включая социальные взаимодействия между экономическими или политическими агентами), которые характеризуются положительными обратными связями и самоусиливающейся динамикой» [14, р. 91], — так пишет Дэвид Пол, представляющий одновременно и Оксфорд и Стэнфордский университет.

¹ К примеру, [16].

² Изменения как колея: Александр Аузан об экономических болезнях России [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan> 6.11.2013

Концепция «зависимости от предшествующего пути» имеет право претендовать на статус достаточно универсальной и междисциплинарной. Вместе с тем, при рассмотрении этой проблемы на уровне страны возникает несколько вопросов. Что является действиями по выходу из «колеи зависимости»? Как диагностировать экономические решения общества и государства, направленные на это решение? Как отличить закономерное и, строго говоря, стандартное желание ускорить темпы экономического развития от реальных попыток преодоления «колеи зависимости»? Где заканчивается «реформа» и начинается «революция» применительно к институтам экономического управления?

Очевидно то, что выход из колеи зависимости предполагает отказ от предшествующей модели социально-экономического развития, соответственно, крайне важным является определение системных признаков той или иной модели социально-экономического развития. Очевидно и то, что каждый автор по-разному определяет порог, преодоление которого означает выход из предшествующей системы управления. Косыгинские реформы, при всей их фундаментальной значимости в экономической истории Советского Союза, нельзя считать попыткой выхода из «колеи развития», что, собственно, и доказывает их неудача. К этим реформам применима классическая формула «эффекта колеи»: «получается, что мы хотим “идти туда” — и регулярно идем в другую сторону» [1, с. 100].

С начала реформ Горбачева и вплоть до июньского пленума ЦК КПСС ключевым маркером был термин «ускорение», что в принципе исключает возможность выхода из «колеи». Весьма вероятно, что изначально желание советских реформаторов не предполагало тех революционных изменений, которые произошли. Переход от «ускорения» к «перестройке» являлся маркером смены подходов к реформированию. Собственно, даже использование термина «перестройка» говорит о том, что перед нами уже нечто большее, чем желание улучшить существующие институциональные механизмы экономического управления. «Трагедия М. С. Горбачева и последних советских правительств заключалась в том, что они более-менее понимали, от каких правил игры надо уйти, но плохо представляли, какие институты необходимо создавать, и в результате горбачевские реформы оказались серией тактических решений без ясной стратегии» [8, с. 52].

В распоряжении исследователей уже находится весь корпус документов по хозяйственному реформированию в рассматриваемый период. Документы свидетельствуют о том, что сознательного или, точнее, осознанного решения о полной перестройке хозяйственного механизма в Советском Союзе не было вплоть до прекращения его существования в 1991 г. Проводимые реформы не исключали возможность возврата к прежней модели управления. Подобное уже неоднократно случалось в советской истории. Именно так произошло с «новой экономической политикой» в 20-е годы прошлого века. Возможен был и иной вариант. «...Баланс между централизованным управлением и самостоятельностью предприятий, который нашли в Венгрии. По оценкам исследователей, к 80-м гг. XX в. там состоялся прорыв хозяйственного механизма из “модели советского типа” в новую» [6, с. 80]. Однако распад постсоветского пространства и СССР дал эффект асфальтового катка на огороде. Венгрия приняла типовую либеральную экономическую модель, необратимо ослабившую национальную экономику. Интереснейшие венгерские наработки, адаптированные именно к национальным особенностям управления, были утрачены. Затем наступило понимание новой ситуации, но «колея», которую преодолели с немалыми усилиями, уже утрачена [11].

Цель статьи — инициировать дискуссию по вопросу о том, как в европейских странах постсоветского пространства решался вопрос «эффекта колеи» или выхода из предшествующей модели экономического развития.

Несмотря на то, что вопросы распада Советского Союза обсуждались в зарубежной, в том числе эмигрантской печати с момента его создания, сами события 1991 г. можно считать достаточно неожиданными. Эта оценка базируется не только на мемуарной литературе, но и на личных беседах со старшими представителями дипломатических служб ряда постсоветских республик.

Для политических элит, сформировавшихся в советских республиках к этому моменту, была характерна сосредоточенность на конкретных действиях, должных привести к юридическому оформлению независимости. Вопрос об экономических стратегиях для новых государств рассматривался как важный, но не первоочередной. К концу 1991 г. структурированные в большей или меньшей степени модели последующего экономического развития существовали лишь в Эстонии, Латвии, Литве. Однако и там это были концепции регионального хозрасчета, предполагавшие, с одной стороны, приоритет республиканских законов над федеральными, но, с другой стороны, ориентированные на сохранение хозяйственных связей. По умолчанию предполагалось, что хозяйственные связи в большей или меньшей степени сохраняться. Предполагалось то, что они перейдут на иную правовую и экономическую основу, экономика станет рыночной, расчеты будут в иностранной валюте, или по клиринговым схемам, или по бартеру.

Конец 1991 — начало 1992 г. показали, что все предшествующие наработки, даже если они были, трудно реализовать. Именно в этот период дискуссии, позиционируемые сегодня как «эффект колеи» или «зависимость от предшествующего пути», приобрели реальную, а не теоретическую актуальность. При всей значимости дискуссий о причинах революционных изменений более актуальны исследования результатов произошедшего. С нашей точки зрения, в российской литературе достаточно поздно пришли к системному осмыслению изменений на постсоветском пространстве [7].

Постсоветские государства по-прежнему находятся в условиях догоняющего развития (catch-up development), и применительно к исследованию проблем развития таких стран часто упоминают «эффект колеи» (path dependency).

Формирование эффективной социальной модели в заведомо зависимых государствах в принципе невозможно. Предельно деликатно об этом писал Е. Т. Гайдар: «Европейская ориентация позволила восточноевропейским странам решить проблемы переходного периода, импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития» [3, с. 22]. Прошедшие годы подтвердили справедливость этой оценки, добавить к которой можно лишь то, что свобода маневра продолжает убывать.

В этих условиях крайне важно попытаться рассмотреть институциональные реформы на постсоветском пространстве и прежде всего в европейской части с точки зрения колеи зависимости. В «западных» постсоветских республиках, наиболее готовых к новой ситуации, были обозначены разные ориентиры и выбраны различные модели развития.

На Украине пошли традиционным путем: «житница как Франция, кузница как Германия, здравница как Швейцария». При этом механизмы достижения поставленных целей обсуждались существенно меньше, чем сами цели. На Украине не ставился вопрос о ликвидации советского наследия, оно рассматривалось как свое, изначально присущее. Предполагалось, что Украина, выйдя из системы общесоюзных экономических отношений, окажется в существенном плюсе в системе межреспубликанских балансов.

В республике Беларусь принципиально новая модель экономических отношений так и не была акцептирована. Летом 1994 г. в результате всенародного голосования первым президентом Белоруссии был избран А. Г. Лукашенко, отказавшийся от форсированной приватизации и иных радикальных рыночных реформ. К этому моменту отрицательный опыт реформ в России и на Украине был достаточно убедительным

для выбора экономической модели трансформации. В результате советские институты и хозяйственные практики оказались как бы «законсервированы» на десятилетия.

Подчеркнем то, что результаты отказа от радикальных реформ в республике Беларусь не выглядят критичными на фоне реализации последних на Украине. Белорусский опыт свидетельствует о том, что попыток преодоления «эффекта колеи» можно было избежать.

В советские времена Прибалтика служила своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма. Прибалтийские республики всегда были на особом положении в СССР, что выразилось и в объеме средств, направляемых на развитие региона: в 1970–1980 гг. они лидировали по объему инвестиций в основной капитал на душу населения. Скучная советская статистика свидетельствовала о том, что республики Прибалтики существовали в режиме устойчивых бюджетных преференций. Именно поэтому изначальные условия для «выхода из колеи» здесь были лучше, что и обеспечило сугубо относительный успех модернизации [12]. Эстония была впереди всех республик СССР по душевому потреблению. В настоящее время в этой же позиции среди постсоветских государств находится Эстонская республика. Успехи Эстонии не менее очевидны, чем изначально более благоприятные условия для преодоления «path dependency» [15].

В странах Прибалтики политический класс пошел иным путем, обещая народу суровые испытания, но и указывая на то, что обретенная свобода стоит любых жертв. Справедливости ради надо отметить, что подобный подход встретил понимание значительной части населения. Не претендуя на исчерпывающее исследование, укажем на то, что наиболее жестко и последовательно преодоление зависимости от предшествующего пути было декларировано в Эстонии, Латвии, Литве. Именно в Эстонии девяностых годов был выдвинут и реализован лозунг «очистим площадку от старого». Эстонские, литовские, латвийские реформаторы указывали: «Развал того, что нежизнеспособно, — не аргумент против трансформации, а лишнее подтверждение ее успешности» [9, с. 39].

В результате экономики стран Прибалтики, и так развивавшиеся в рамках одинаковой, но не одной модели весь XX в., приобрели уникальное сходство с точки зрения компаративистики [18]. К примеру, отказ от российского транзита, как политическое решение, полностью соответствовало прибалтийским практикам выхода из «эффекта колеи», однако потребовалось почти 30 лет, чтобы преодолеть сопротивление экономистов, считающих, что в данном случае влияние предшествующего развития сугубо положительно. «Сражение» Эстонии, Латвии, Литвы с унаследованной советской экономикой в основе имеет следование парадигме о неисправимой исторической ошибке. Такой подход является классическим при обосновании детерминизма «колеи» [5].

Подведем итоги. Тридцать лет самостоятельного развития постсоветских республик стали убедительным доказательством справедливости концепции Дугласа Норта. Зависимость от предшествующего пути развития прослеживается спустя 30 лет в странах, прошедших разный экономический, социальный и политический путь, вступивших в разные экономические союзы.

1990–1991 гг. и пребывание в СССР стали точкой отсчета даже для тех стран, которые считали себя «оккупированными». Концепция «эффекта колеи» не имеет явного идеологического фундамента, и в этом ее важное достоинство применительно к современным экономическим и политическим теориям. Странам Прибалтики, Белоруссии и Украине концепция Д. Норта показывает, что можно предпринять значительные усилия для преодоления зависимости, достичь на первый взгляд видимых результатов, но новая модель экономики оказывается другой, и вовсе не лучшей. Опыт Беларуси показывает то, что там, где отказались от революционных подходов и не стали разрушать «весь экономический мир до основания» народное

хозяйство показывает сопоставимые результаты с реформаторами, пока еще прочно сидящими у брюссельской кормушки. Радикальное и непоследовательное реформирование на Украине и просто радикальное реформирование в Прибалтике не создало новых отраслей специализации, но привело к утрате, хотя и частичной, тех отраслей, которые до этого работали десятилетиями.

Таким образом, сама по себе концепция «Path Dependence» убедительно показала себя как универсальная теория, но практики ее реализации носят отчетливо выраженный индивидуальный характер. Именно поэтому данная концепция представляет собой хороший теоретический инструмент, нуждающийся в детализации и дополнительной практической апробации.

Литература

1. Аузан А. А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105.
2. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
3. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–23.
4. Казакова В. И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 6–16.
5. Корнейчук Б. В., 2016. «Эффект Колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 1. С. 78–87.
6. Корольков В. Е., Морева Е. Л. Теория домино и зависимость от пройденного пути развития: возможности и ограничения на постсоветском пространстве // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 10. С. 78–83.
7. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития // под общ. ред. Л. Б. Вардомского. М. : Институт экономики РАН, 2012.
8. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. 2015. № 2. С. 50–88.
9. Путь в Европу // под. общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. М. : Новое издательство, 2008.
10. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
11. Юрасова Л. А. Политика венгерского суверенитета // Вестник МГИМО-университета. 2016. № 4 (49). С. 99–116.
12. Arthur W. B. (1994) Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. The University of Michigan Press, Ann Arbor.
13. Cross-country study Economic policy challenges in the Baltic // European economy. Occasional Papers. № 58 February 2010
14. David, Paul, A. (2007): Path Dependence — A Foundational Concept For Historical Social Science // Cliometrica — The Journal of Historical Economics and Econometric History. Vol. 1, No 2, Summer 2007. P. 91.
15. Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. No. 163, September 24.
16. Monios J., Wilmsmeier G. (2016). Between path dependency and contingency: new challenges for the geography of port system evolution // Journal of Transport Geography. 51:247–251.
17. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.
18. Poissonnier A. The Baltics: Three Countries, One Economy? // Economic brief № 024 Brussels. PDF. april 2017.
19. Stark O., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. November. P. 1129–1137.
20. Wilsford D. Path Dependency, or Why History Makes It Difficult but Not Impossible to Reform Health Care Systems in a Big Way // Journal of Public Policy Cited by Volume 14, Issue 3. July 1994. P. 251–283.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Auzan A. A. Development and “path dependance” // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. V. 61, No. 10. P. 96–105. (In rus)
2. Auzan A. A. “Path dependance”. The problem of dependence on the trajectory of previous development is the evolution of hypotheses // Journal of Moscow University. Series 6. Economy [Vestn.Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika.]. 2015. No. 1. P. 3–17. (In rus)
3. Gaidar E. T. State burden on the economy // Economic issues. 2004. No. 9. P. 4–23. (In rus)
4. Kazakova V. I. Conceptualization of “path dependence” in modern social science // Journal of NSTU named after R. E. Alekseev. Series: Governance in Social Systems. Communicative technologies [Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii]. 2012. No. 3. P. 6–16. (In rus)
5. Korneychuk B. V., 2016. “The path dependance” in the context of the evolutionary theory of economic change // Terra Economicus. 2016. V. 14, No. 1. P. 78–87. (In rus)
6. Korolkov V. E., Moreva E. L. Theory of domino and dependence on the passed path of development: opportunities and restrictions in the post-Soviet space // Successes of modern science and education [Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya]. 2016. V. 2. No. 10. P. 78–83. (In rus)
7. New Independent States: Comparative Results of Social and Economic Development // under the general edition of L. B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2012. (In rus)
8. Nureev R. M., Latov Yu. V. Post-Soviet institutional development: in search of a way out of the line of power-ownership // World of Russia [Mir Rossii]. 2015. No. 2. P. 50–88. (In rus)
9. Way to Europe // under general ed. of I. M. Klyamkin and L. F. Shevtsova. M.: New publishing house, 2008. (In rus)
10. Shapiro I. Escape from Reality in the Humanities / translation from English D. Uzlaner; HSE. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. (In rus)
11. Jurasova L. A. Policy of Hungarian Sovereignty // Journal of MGIMO University [Vestnik MGIMO-universiteta]. 2016. No. 4 (49). P. 99–116. (In rus)
12. Arthur W. B. (1994) Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. The University of Michigan Press, Ann Arbor.
13. Cross-country study Economic policy challenges in the Baltic // European economy. Occasional Papers. No. 58 February 2010
14. David, Paul, A. (2007): Path Dependence — A Foundational Concept for Historical Social Science // Cliometrica — the Journal of Historical Economics and Econometric History. Vol. 1, No. 2, Summer 2007. P. 91.
15. Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. No. 163, September 24.
16. Monios J., Wilmsmeier G. (2016). Between path dependency and contingency: new challenges for the geography of port system evolution // Journal of Transport Geography. 51:247–251.
17. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.
18. Poissonnier A. The Baltics: Three Countries, One Economy? // Economic brief № 024 Brussels. PDF. april 2017.
19. Stark O., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. November. P. 1129–1137.
20. Wilsford D. Path Dependency, or Why History Makes It Difficult but Not Impossible to Reform Health Care Systems in a Big Way // Journal of Public Policy Cited by Volume 14, Issue 3. July 1994. P. 251–283.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru